

Город погрузился в сумерки. Возвышающиеся сторожевые посты стояли подобно безмолвным часовым; ало-черные знамена Ордена, удерживаемые колышками, развевались под порывами ветра. Прожектора больше не освещали улицы — сторожевые башни пустовали.

Нью-Лондон замер в шаге от падения, но даже в этот час, в нём всё ещё было шумно.

Последние летающие охотники опускались в свои ангары, а вместе с ними и последние запасы дичи. Разведчики мистера Маклахлана торопливо вводили последнюю волну беженцев, загоняя их в те дома, где ещё оставались свободные места. По улицам разносились крики: звонари торопили рабочих.

«Скоро в Новом Лондоне всё стихнет. Впервые. — Подумала Изабелла. — С тех пор как мы приехали сюда много недель назад»

Ей казалось, что прошла целая вечность, хотя она знала, что прошло всего чуть больше месяца. Забавно. Пересекая территорию по направлению к Генератору, она с толикой удивления и юмора осознала, что некоторые вещи, пусть и ненадолго, останутся неизменны даже если они сгинут.

Трубы, идущие вдоль улиц, шипели паром, растапливая сугробы, прежде чем те успевали образоваться. Паровые машины работали, раскаляясь докрасна, и так будет до тех пор, пока не иссякнут последние запасы угля. Автоматы неустанно трудились, возвышаясь над Нью-Лондоном на своих веретенообразных ногах; из их сердечников вырывались струи перегретого пара. Она знала, что они сохранят жизнь городу, даже если Новый Лондон разделит судьбу Винтерхоума.

Они перешли через платформу для казни, на которой не было ни одного тела, и спустились в люк. Сразу же их окутало успокаивающее тепло. С изрядной долей фантазии можно было бы представить, что никакой Великой Бури и вовсе нет. Сойдя с последней ступеньки, Изабелла поспешно стряхнула с себя пальто и повесила его на крючок.

— Мистер Бэнкс! — Первым обратился мистер Эйнсворт и тут же задал насущный вопрос: — Всё в порядке?

— Генератор ведёт себя любезно. — Мужчины обменялись крепким рукопожатием. — Никаких нерешенных вопросов.

— Приятно слышать.

— Мисс Берд. — Поприветствовал Бэнкс. — Очень приятно.

— Взаимно.

Изабелла сняла перчатки, закусила их и освободившимся ладонями вытерла волосы от растаявшего снега. Почти сразу же она нашла себе место, где сесть — прямо перед панелью с датчиками, показывающими температуру над землей в разных районах города.

— Как долго продержится Генератор? — Спросил мистер Эйнсворт.

— Неделю? — Ответил мистер Бэнкс и с лёгким недоумением добавил: — Это имеет значение?

— Не имеет. — Признал Эйнсворт.

Изабелла пробежалась взглядом по панели управления, по всем этим маленьким циферблатам и закорючкам, в которых она ни в жизнь бы не смогла разобраться. Но кое-что понятно было даже ей — рычаг с ярко-красной маркировкой и жирной надписью над ним: ФОРСАЖ. Она могла лишь молиться, чтобы небольшой легион инженеров, обслуживающих машину, справился с этим хаосом. Или чтобы рабочие в шахтах не дрогнули. Или чтобы автоматы, поддерживающие жизнь в городе, не вышли из строя. Или еще полсотни вещей, оставленных на попечение заботливых дланей Господа.

Она глубоко вздохнула; ровный гул Генератора успокаивал, убаюкивал. Они находились в самом теплом месте в городе, и они умрут последними, если до этого дойдет. Это не привилегия. Это кара. Если они потерпят неудачу, если их решения по итогу не приведут город к спасению, то они понесут наказание и будут наблюдать за гибелью людей, будут молиться за их души, зная, что конец неминуем.

Мистер Эйнсворт нажал на кнопку. Раздался щелчок, затем звук помех.

— Говорит капитан. — Произнес он в трубку, голосом мрачным и серьезным, твёрдым и холодным, таким же, как вездесущий лёд. — Приготовьтесь. Великий Шторм уже здесь.

Изабелла Берд закрыла глаза. Буря становилась лишь громче, постепенно заглушая гул генератора.

***

Год 295 После Завоевания

Вокруг них возвышались Клыки Мороза — огромные щиты из камня и снега, защищавшие от самых сильных ветров. Однако Манс знал, что ничто не даётся даром: высокий горный хребет закрывал не только от ветров, но и от солнца. Да, ветра не досаждали им, но и солнце не грело озябшие кости.

Он притянул меха поближе.

Лестница Великанов из мрачного серого камня тянулась бесконечно долго, и от каждого тяжелого шага, по позвоночнику пробегала дрожь. Молочная Река текла в противоположном направлении и лениво поблёскивала, ловя своими водами и осколками льда каждый солнечный лучик, которому чудом удавалось пробиться сквозь пики гор. Лучи преломлялись, отражались и слепили людей. Пожалуй, это самый простой путь в Клыки Мороза, не считая Воющий Перевал на юге, но у Манса иная цель, и вела она именно к Молочной Реке.

У них у всех была одна цель.

Оглянувшись через плечо, он увидел многотысячную толпу Вольных Людей, которых вырвал из домов и привёл в это пустынное место. Все они искали давно забытую легенду, которой тысяча лет, и которой, возможно, даже не существует. Но они должны, обязаны, и попытаются её найти, ибо от этого зависела жизнь всех людей, стоящих за ним. Нет, от этого зависел весь север, Истинный Север.

— Солнце уходит, Манс. — Прохрипел Орелл. — А у нас всё болит, от волос до костей.

Манс с тоской взглянул вдаль, туда, где Лестница исчезала в Клыках Мороза. Он выдохнул — изо рта повалил пар.

— Разбиваем лагерь. Прямо здесь.

Они разместились в отличном месте — у берега белоснежной Молочной Реки. Вскоре уже костры потрескивали, и пламя их напоминало танцовщиц в алом атласе. Манс разбил свою палатку на небольшом клочке земли с яркой травой, участке, которую освещали лучи солнца, пробивающиеся сквозь горы.

Услышав рык, он повернулся к его источнику и увидел Костяного Лорда, глядящего на него сквозь свой пожелтевший череп. Вероятно, он тоже хотел расположиться на этом клочке земли, на котором сохранилось подобие жизни.

Манс смотрел в ответ, бросая вызов.

Костяной Лорд зашагал прочь, хмурясь от грохота своего же костюма. Этой ночью Мансу придется быть начеку, чтобы случайно не подавиться особо острой, металлической костью в горле.

— Орелл, — позвал он, — пошли своего орла. Разведай дорогу впереди. Мы должны быть близко.

— Уже послал, — сидел у костра скорняк, — но неважно, насколько мы близко, если там ничего

нет.

— Рог будет там, — заверил Манс, — иного места ему нет.

— Ты гонишься за старой ведьмовской сказкой, Манс, — предупредил Орелл, — И тащишь нас за собой. В самый центр этого ледяного ада.

Манс выпрямился и взглянул на подветренный берег: их новый лагерь был разбит к предстоящей ночи, и благодаря многочисленным факелам, выглядел подобно реке из огня, текущей вдоль Молочных Вод. Великаны бродили вокруг; их мамонты напоминали огромные курганы, покрытые снегом. По его мнению, с тех пор, когда он считал в последний раз, их число выросло: теперь их должно быть около десяти тысяч.

И для этого ему даже никого не пришлось убивать.

От этой мысли в его груди вспыхнула гордость. Понадобился год, чтобы заключить мир между Костяным Лордом и Собачьей Головой, а также всеми прочими враждующими кланами, затем еще год, чтобы выманить этих проклятых Теннов из их долины на севере. Впрочем, с последними повезло. Манс был уверен, что так ничего и не смог бы с ними сделать, если бы мертвецы не показали своё лицо. И, наконец, предыдущий год, который он провёл, бредя вдоль Студёного Моря, вниз по Оленьим Рогам.

И всё это ради нескольких тысяч душ.

А теперь ему и пальцем не пришлось пошевелить, чтобы получить еще десять тысяч. Все Вольные Люди. И это плохо. Когда Вольные Люди собираются вместе — это всегда плохо, ибо значит лишь одно — приближаются холода.

— Да, Орелл, возможно, ты прав. Но ты всё ещё следуешь за мной, не так ли?

— Потому что следовать за чертовым безумцем лучше, чем умирать в одиночку, — ответил новый голос, — или не только умирать.

Тормунд без приглашения присоединился к их костру; в руках у него была большая порция жареной оленины, а белая борода перемазана мясными соками. Медведь-человек взглянул на их пустой костер и руки, прежде чем предложить свою дичь.

— Хотите? — Отрезал он большой кусок. — Нехорошо голодать в такую ночь.

Манс принял мясо, Орелл же заявил, что хочет подождать своего орла.

Лидер Вольного Народа вздохнул, пытаясь взглядом найти конец горного хребта. Еще светло —

солнце не зайдет несколько часов, хотя к югу от Стены уже давно стемнело. Но там — Юг, а здесь — Истинный Север. Луна летом робкая, подобно юной служанке.

В ту ночь Манс рано ушел на покой, измученный долгим походом, как и все остальные

<http://tl.rulate.ru/book/91538/3539310>